

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

**Нравственность
современного
российского общества**
Психологический анализ

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
А. В. Юревич*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

УДК 159.9

ББК 88

Н 86

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Н 86 Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. – 413 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0250-4

УДК 159.9

ББК 88

Книга служит продолжением изданных ранее Институтом психологии РАН коллективных научных трудов «Психология нравственности» (2010) и «Психологические исследования духовно-нравственных проблем» (2011), развивая психологический подход к изучению духовно-нравственной проблематики. В ней рассмотрены теоретико-методологические основы исследования нравственности, нравственно-психологические составляющие ряда социальных процессов и наиболее острых проблем современного российского общества, таких как коррупция, наркомания, мошенничество и др.

Издание финансируется в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе»

ФГБУН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0250-4

КОГНИТИВНОЕ И АФФЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ПОНИМАНИИ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ

В. В. Знаков

В современной психологии большое внимание уделяется анализу проблем, которые нельзя понять на основе только рационального знания, когнитивного и ментального опыта. Именно к таким проблемам относятся моральные дилеммы.

Цель статьи – проанализировать роль неосознаваемых компонентов в понимании людьми моральных дилемм.

Для субъекта, оказавшегося в ситуации морального выбора, важным условием ее понимания становится актуализация экзистенциального опыта. В опыте и через опыт мы понимаем все, что связывает нас с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание.

В психологической литературе и новейшей истории описано немало событий и ситуаций, понимание которых невозможно без актуализации экзистенциального опыта субъекта. Одним из трех основных компонентов такого опыта является этический, имеющий непосредственное отношение к морали и нравственности (Знаков, 2009а). Многие ситуации человеческого бытия, относящиеся к экзистенциальной реальности (террористическая угроза, эвтаназия, пересадка органов и др.) можно лишь постигать, но нельзя понимать по типам понимания-знания или понимания-интерпретации (Знаков, 2009б). Например, как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. во-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-06-00073а.

еннопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это политическое, но, несомненно, и моральное решение не может быть объяснено никакими логическими выкладками, поскольку оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта. Понимание событий в таких областях осуществляется по типу понимания-постижения.

Сегодня человечество живет в условиях серьезных конфликтов между религиозными ценностями (в частности, христианскими и мусульманскими), в значительной мере основанными на принципиально различных моральных представлениях людей. Анализ конфликтов позволяет утверждать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением – и глубинными эмоциями, переживаниями. Напомню, что в XXI в., пожалуй, все началось в 2005 г. с карикатур на пророка Мухаммеда, сделанных датским художником. Эти карикатуры вызвали бурное возмущение мусульман во всем мире. Министерства иностранных дел одиннадцати исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. Некоторые из них, не получив извинений, в знак протеста закрыли свои посольства в Дании. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. В марте 2011 г. в американском штате Флорида пастор-евангелист публично сжег экземпляр Корана. Он и его соратники провели импровизированный суд над Кораном. Посоветовавшись несколько минут, они признали книгу виновной в многочисленных преступлениях и приговорили ее к воображаемой смертной казни. Эта акция вызвала переживания, возмущение и протесты мусульман во всем мире (в частности, в Афганистане, были жертвы). Наконец, хорошо известный россиянам случай: 21 февраля 2012 г. прошла акция феминистской группы «Pussy Riot» в столичном храме Христа Спасителя. Девушки, одетые в маски и карнавальные костюмы, устроили импровизированный концерт, исполнив песню «Богородица, Путина прогони». Вскоре они были выдворены из храма.

Все эти случаи явились поводом для возникновения негативных эмоций у миллионов людей и острых дискуссий в СМИ. Во многих дискуссиях приводились разумные рациональные объяснения при-

чин описанных выше поступков. Однако факты таковы, что во всех этих случаях участники массового возмущения с самого начала не слушали рациональных доводов, а основывались на плохо осознаваемых невербализуемых аргументах и обращались к экзистенциальным переживаниям и по-прежнему продолжают это делать.

Из этого я делаю вывод, который очевиден, но трудно научно докажем. Вывод такой: в нашей жизни есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. Описанные протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения невозможно преодолеть обоснованными доводами: они не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой. В частности, с этой позиции, к обсуждаемой проблеме не имеет прямого отношения вопрос о юридической ответственности за содеянное девушек из группы «Pussy Riot»: какими бы ни были мотивы их поступка, они в любом случае оскорбили бы религиозные чувства православных верующих.

Приведу четыре аргумента, которые целесообразно использовать при анализе понимания моральных дилемм в экзистенциальных сферах человеческого бытия, подобных описанным выше.

Во-первых, осознаем мы это или нет, хотим мы этого или не желаем, следует признать, что в психике миллионов людей религиозные понятия неразрывно связаны с моральными. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа» (Хаузер, 2008, с. 32). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости/недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия, единичные и массовые убийства и т. п.). Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006; и др.). «Экспериментальные данные показывают, что индивиды оценивают события с моральной точки зрения „автоматически“ (Moll et al., 2005, с. 803), выбирают поведение в соответствии с моральными нормами, не вербализуя их (Бобнева, 1978) и не формулируя каких-либо обоснований (Hauser, 2006)» (Александров, Александрова, 2009, с. 178). Большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения внес М. Хаузер. Он выступает против рационалистов, считающих, что моральное решение является следствием рассудочного выбора.

Хаузер полагает, что господствующее представление о нравственном решении как результате рассудочного выбора ведет к ошибкам в сфере политики, права и образования (Хаузер, 2008, с. 33). В защиту правомерности своей позиции он приводит данные проводимого по его программе масштабного кросс-культурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно делают сходный выбор (там же).

Во-вторых, анализируя причины удивительного сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не упомянуть о «коллективном бессознательном» К. Г. Юнга. Однако, к сожалению, из-за метафоричности и невозможности научного доказательства существования этого феномена я как академический психолог вынужден отказаться от обсуждения этой категории.

Несомненно, более научно обоснованными являются представления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). За почти полвека с тех пор, как Пиаже сформулировал эти идеи, в современной науке появилось множество исследований, направленных преимущественно на психологический анализ содержания и функциональных механизмов когнитивного бессознательного. «На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» (Аллахвердов и др., 2008, с. 10).

Что касается Пиаже, то он пишет о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, – ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающим понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформу-

лирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (то есть принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и, таким образом, блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По его мнению, осознание – это следствие реконструкции на высшем – сознательном – уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем – бессознательном уровне.

В-третьих, мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий, получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре (Александров, Александрова, 2009). Психолог Ю. И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции мораль сопоставляется с древними рано сформированными элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы и правила. «Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур» (Александров, Александрова, 2009, с. 211). Пока мораль как недифференцированная и, условно говоря, общечеловеческая система выступает в роли

внутреннего регулятора поведения, она бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при попытке вербального оформления невербализуемых моральных правил поведения во внешние нормы «они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Например, отношение к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индальгенция), наличие ситуативной зависимости и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива» (там же, с. 215). Ясно, что малодифференцированные моральные представления противоречат необходимости осознания и принятия моральных норм и образцов. Это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения событий в экзистенциальной реальности, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию.

Наконец, в-четвертых, необходимо ответить на вопрос: почему на сожжение Корана или поступок участниц группы «Pussy Riot» у тысяч или даже миллионов людей возникают очень похожие реакции? Подобные реакции всегда имеют интерсубъектный характер, потому что являются поведенческим проявлением имплицитного интерсубъектного содержания экзистенциального опыта людей. Сегодня, исследуя сознание и бессознательное, психологи ищут истоки их формирования не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противостоит объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию. Противоречие снимается путем признания невозможности описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его внутреннего мира. Вот как об этом пишет Т. Д. Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую – совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» (Марцинковская, 2007, с. 37).

Характерно, что имплицитное содержание экзистенциального опыта включает неосознаваемые элементы не только бессознательного, но и надсознательного. Во второй половине XX в. М.Г. Ярошевский писал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надиндивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей – союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998).

Аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, коллективно-надсознательное являются непременными компонентами понимания человеком моральных дилемм, особенно экзистенциально значимых для субъекта. Одной из общечеловеческих экзистенциальных моральных проблем является необходимость срочного принятия решения о прерывании неожиданной и нежелательной беременности. Такая ситуация для женщины или пары оказывается критической. Психологам хорошо известно, что в кризисных ситуациях, особенно связанных с моральными дилеммами, люди становятся более подверженными внешним влияниям. В таких ситуациях субъект начинает меньше доверять своему мнению и способности принять правильное решение. В результате он в большей степени полагается на мнение других, особенно авторитетных лиц. В кризисных ситуациях люди колеблются, меняют свою точку зрения на другую, иногда прямо противоположную. Кроме того, «они часто ощущают усталость, безразличие, безнадежность, несостоятельность, замешательство, тревогу и неспособность к самоорганизации. Именно поэтому они чаще отказываются от своей точки зрения и позволяют решать за себя другим вместо того, чтобы защититься от решений, которые принимаются без учета их интересов» (Бёрк, Риардон, 2010, с. 263). В результате женщины нередко делают аборт, не дав себе времени осознать пробуждающиеся материнские чувства. И только прервав беременность, они понимают, насколько сильно хотели ребенка. Это влечет целый комплекс психологических последствий, называемых «постабортным синдромом». Следовательно, нельзя не признать, что в понимании ситуации аборта бессознательные компоненты играют важную и далеко не последнюю роль.

Осуществляя психологический анализ нравственного сознания субъекта, решающего и понимающего моральные проблемы, необ-

ходимо ответить на вопрос о том, какое отношение имеют ситуации искусственного прерывания беременности к морали и нравственности? На него невозможно ответить без рассмотрения другого вопроса: какие психологические и мировоззренческие особенности людей определяют различия в понимании ими моральной допустимости или, наоборот, недопустимости аборт?

Определение понятия «моральной допустимости» искусственного прерывания беременности в современной науке является одной из важнейших проблем психологических исследований аборт. В этой проблеме выделяется два главных аспекта: совокупность представлений людей о начале жизни (Hess, Rueb, 2005) и о моральном статусе плода (Little, 2005). Одни считают началом жизни момент зачатия или достижения плодом определенного уровня развития, а аборт приравнивают к убийству человека. Другие полагают, что аборт нельзя рассматривать как убийство, потому что плод до рождения не является человеческим существом и не обладает правами, не имеет морального статуса. С. К. Крейг с соавторами, анализируя сложившуюся ситуацию, утверждает, что, обсуждая возможность аборта, мы попадаем в амбивалентное, неоднозначное положение. Одни говорят о геноциде против нерожденного ребенка, а другие (сторонники прав человека) сразу же вспоминают о нарушении прав женщины, которые завоевывались в течение десятилетий (Craig et al., 2002).

М. О. Литтл, отстаивающая моральную допустимость аборта на ранних сроках беременности, пытается смягчить или даже обесценить первый аргумент (Little, 2005). Она считает, что моральный выбор должен оцениваться не только с точки зрения решения прервать жизнь, но и продолжить ее. Нужно проанализировать, является ли аборт активным прекращением жизни, то есть, по существу, убийством, или же представляет собой лишь отказ в продолжении снабжения неавтономного плода всем необходимым для жизни (пассивное прекращение жизни).

Другой аргумент апеллирует к правам человека: женщина имеет право распоряжаться своим телом и, следовательно, обладает свободой выбора. Однако «идея беспрекословной „свободы выбора“ при принятии решения об аборте является очень опасной. Она основана на образе идеальной женщины, которая обладает всей необходимой информацией, независима и эмоционально устойчива. Таковую женщину невозможно встретить в реальной жизни. На самом деле большинство женщин не имеют достаточной информации о том,

какой вред может нанести аборт их душевному и физическому здоровью. Более того, многие женщины не являются по-настоящему „свободными“. Напротив, они эмоционально зависимы от родителей, любовников, мужей, психиатров, работодателей и многих других людей и легко поддаются их влиянию. Иногда решение сделать аборт намного больше соответствует интересам окружающих, нежели желанию самой женщины. И, наконец, многие женщины, принимающие решение об аборте, недостаточно эмоционально устойчивы и из-за этого склонны к спешным, непродуманным и губительным решениям» (Бёрк, Риардон, 2010, с. 260–261).

В контексте обсуждаемых в статье проблем безусловное достоинство приведенной цитаты состоит, во-первых, в том, что из нее явно следует, что ситуацию аборта невозможно понять по типу понимания-знания или понимания-интерпретации; единственно возможный вариант – понимание-постижение. И во-вторых, в ней перечислен обширный перечень психологических качеств, в совокупности образующих нравственное сознание субъекта, принимающего решение о прекращении или продлении беременности.

Таким образом, суждения о моральной допустимости или недопустимости аборта содержат ответы на два главных вопроса. Первый: можно ли считать, что с момента зачатия зародыш является человеческим существом? Положительный ответ на этот вопрос означает, что целью аборта является убийство существа, уже имеющего право на жизнь и, соответственно, на моральный статус. Второй вопрос: имеет ли беременная женщина исключительное право контроля над своим телом? Иначе говоря, может ли она только по своему усмотрению делать аборт, рассматривая его как удаление кусочка ткани из организма, подобно тому как поступают все люди, подстригая ногти и волосы? В этом случае положительный ответ основан на убеждении в том, что плод можно считать человеком, имеющим право на жизнь, только тогда, когда он превращается в ребенка, живущего вне организма матери.

Многочисленные психологические исследования говорят о том, что ответы на указанные вопросы, в которых отражается отношение людей к абортам, зависят от их пола, возраста, личностных особенностей, религиозных убеждений, представлений о моменте зарождения жизни человека и многого другого. Кратко опишу основные результаты одного из них, проводившегося под моим руководством Д. А. Рёбрушкиной. В исследовании приняли участие 157 испытуемых (88 женщин и 69 мужчин). Испытуемыми были

студенты и преподаватели Мордовского государственного университета, медицинские работники, педагоги, экономисты, инженеры в возрасте от 17 до 55 лет. Цель исследования – выявление психологических и социально-демографических факторов, от которых зависит понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости абортов.

Результаты показали, что мужчины чаще, чем женщины, понимают ситуацию аборта по типу понимания-принятия (проще говоря, мужчины чаще согласны с тем, что аборт делать можно и нужно). Выявлены значимые возрастные различия: молодые люди чаще, чем взрослые, понимают аборт по типу понимания-отвержения, что особенно отчетливо проявляется применительно к таким ситуациям, в которых велика вероятность рождения ребенка с ментальными или физическими отклонениями. Эти данные согласуются с результатами исследования, проведенного в Великобритании Э. Ли, в котором акцент был сделан на понимании моральной допустимости аборта при нарушении в развитии плода (Lee, 2000).

В исследовании выявлены интересные личностные различия между оценками испытуемых, понимающих ситуации искусственного прерывания беременности по типам понимания-принятия и понимания-отвержения. Испытуемые, у которых высокий (выше медианы) суммарный показатель по тексту «Против абортов», имеют более низкие значения оценки по методике «Личностный дифференциал», чем испытуемые с низким показателем. В соответствии с методикой, это означает, что у них низкая самооценка себя как носителя позитивных нравственных качеств и социально желательных характеристик, они проявляют неудовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями своей личности. Кроме того, у таких испытуемых по «Шкале базисных убеждений» ниже оценки «справедливости» (убежденности субъекта в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости и каждый человек получает то, что заслуживает). У них также ниже «способность контролировать ситуацию» (убеждение субъекта в том, что он может контролировать происходящие с ним события и поступать так, чтобы ситуация складывалась в его пользу). Следовательно, у людей, которые понимают аборт по типу понимания-отвержения, в меньшей степени, чем у испытуемых, понимающих ситуацию аборта по типу понимания-принятия, выражены социально одобряемые личностные характеристики. Они ниже оценивают свои нравственные ка-

чества, у них нет уверенности в справедливости окружающего мира и своей способности справиться с возникающими трудностями и препятствиями на жизненном пути.

Выявлены также различия в мировоззренческих установках двух групп испытуемых. Те, кто в меньшей степени принимает аборт, более согласны с тем, что Бог существует, они чаще посещают церковь. С тем, что Бог существует, в большей степени согласны и те испытуемые, которые имеют более низкие оценки по общему показателю методики Хилл (то есть в большей степени отвергающие аборт). Результаты и методики Хилл, и методик «За аборт» и «Против абортов» показали, что те испытуемые, которые понимают аборт по типу понимания-отвержения, являются в большей степени религиозными, чем те, кто понимает искусственное прерывание беременности по типу понимания-принятия. Это неудивительно, потому что для подлинно верующего человека в вопросе о возможности аборта вообще нет никакой моральной дилеммы. Ответ на этот вопрос однозначно отрицательный: жизнь человеку дана Богом, и не человеческое дело – принимать решение о ее продолжении или прерывании.

Объясняя полученные данные, следует соотнести результаты понимания аборта с тремя типами понимания, описанными в настоящее время в психологической и философской литературе (Знаков, 2009б). Теоретико-эмпирический анализ показывает следующее. Понимание аборта – это не понимание-знание, которому соответствует оценка истинности суждений о моральной допустимости или, наоборот, недопустимости искусственного прерывания беременности. Результатом понимания такого ненормативного критического события оказывается понимание-интерпретация, соотносимое с оценками правильности-неправильности полярных мнений людей. Большую роль в понимании играет также актуализация интуитивных образований, глубинных личностных смыслов и ценностей, в результате которой возникает понимание-постижение. Оно основано на представлениях общающихся людей о правдивости или неправдивости высказываний о моральной допустимости аборта.

Я полагаю, что данные о личностных и мировоззренческих различиях людей, принимающих или отвергающих искусственное прерывание беременности, имеют прямое отношение к бессознательным компонентам понимания моральных дилемм. Очевидно, что далеко не все свои личностные качества мы осознаем и сознательно контролируем.

Однако было бы неправильным считать, что психологический анализ аффективного бессознательного, когнитивного бессознательного и коллективно-надсознательного актуален только для понимания человеком моральных дилемм. Это важно для понимания многих событий и феноменов экзистенциальной реальности. Понимание таких событий и феноменов основывается главным образом не на знании или интерпретации, а на постижении глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Понимание-постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать. Человек может понимать или не понимать и сложные, и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен (как, к примеру, самообман), то следует говорить о его понимании на основе постижения.

Научный анализ, завершающийся пониманием-постижением, представлен, в частности, в публикациях, посвященных образу «экзистенциального Другого» (Шапинская, 2009). Другой, утверждающий свой субъектный статус путем противопоставления окружающим (членам коллектива, представителям власти и т. п.), – это, как правило, человек с драматической судьбой. «Утверждая себя через оппозицию „Я“ и „Не-Я“, этот субъект рассматривает весь мир как тотальное „Не-Я“, являясь в свою очередь вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. Такой Другой – личность, не вписывающаяся в общество, противопоставляющая себя общепринятой системе норм и творящая свой собственный универсум по своим собственным правилам, – всегда был основой многочисленных репрезентаций. В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция „Мы“ и „Я“, коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества» (там же, с. 49).

В наше время ярким, привлекающим всеобщее внимание примером «экзистенциального Другого» является выдающийся российский математик Г. Перельман, первым доказавший гипотезу Пуанкаре. В 1996 г. он был удостоен премии Европейского математического общества для молодых математиков, но отказался ее получать. В 2006 г. он отказался от «Медали Филдса», в 2010 г. – от премии в размере миллиона долларов за решение одной из семи проблем тысячелетия. Перельман не проявляет интереса к научной карьере, живет в одной квартире с матерью, ведет замкнутый образ жизни,

игнорирует прессу. Не поддающаяся рациональному объяснению неординарность мышления и выходящая за рамки повседневного опыта «инаковость» поведения выдающегося ученого привлекли к нему повышенное внимание СМИ и многих обывателей. Недавно М. Гессен была предпринята интересная и весьма правдоподобная попытка описания личности и объяснения мотивов поступков Г. Перельмана (Гессен, 2011). Однако ее книга только подтвердила очевидное: имея дело с «экзистенциальным Другим», невозможно достичь понимания, основанного на знании. В результате исследователю приходится довольствоваться во многом интуитивным пониманием-постижением.

Итак, сложные для понимания экзистенциальные моральные дилеммы никогда не смогут пониматься людьми только на основе достоверного верифицируемого научного знания. Такие дилеммы в принципе не имеют однозначного решения. Понимая их, разные люди обращаются к принципиально различным компонентам своего тезауруса, неявного знания и актуализуют индивидуально-личностное аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, а также коллективно-надсознательное. Очевидно, что дальнейшее изучение названных феноменов значимо и перспективно как для психологии понимания, так и для психологии человеческого бытия.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю., Науменко О. В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Вып. 2. С. 10–18.
- Бёрк Т., Риардон Д. Запрещенные слезы: О чем не рассказывают женщины после аборта. СПб.: Каламос, 2010.
- Гессен М. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. М.: Астрель, 2011.
- Знаков В. В. Экзистенциальный опыт субъекта как проблема психологии человеческого бытия // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. С. 211–225.

- Знаков В. В.* Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009б. №4. С. 14–23.
- Марцинковская Т. Д.* Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 33–44.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. С. 80–98.
- Пицже Ж.* Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. №6. С. 125–131.
- Хаузер М.* Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
- Шапинская Е. Н.* Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. №4. С. 49–55.
- Craig S. C., Kane J. G., Martinez M. D.* Sometimes you feel like a nut, sometimes you don't: Citizens' ambivalence about abortion // Political Psychology. 2002. V. 23. №2. P. 285–301.
- Hess J. A., Rueb J. D.* Attitudes toward abortion, religion, and party affiliation among college students // Current Psychology: Developmental. Learning. Personality. Social. 2005. V. 24. №1. P. 24–42.
- Lee E.* Young people's attitudes to abortion for abnormality // Feminism and Psychology. 2000. V. 10. №3. P. 396–399.
- Little M. O.* The moral permissibility of abortion // Contemporary Debates in Applied Ethics / Eds Cohen A. I., Wellman C. H. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 27–39.
- Waldmann M. R.* A case for the moral organ // Science. 2006. V. 314. P. 57–58.